

Воспоминанія стараго педагога ¹⁾.

V.

Поступленіе на казенное содержаніе. Холера 1847 г. Вакаціи. Холера 1848 г. Перемены въ университетѣ. Генераль-губернаторъ попечитель округа. Его управленіе округомъ. Окончаніе курса университета.

Слѣдующій 1847—48 учебный годъ я уже началъ на казенномъ содержаніи въ стѣнахъ университета, въ зданіи котораго помѣщался и институтъ казеннокоштныхъ студентовъ съ его большими комнатами или камерами, для восьми и болѣе студентовъ каждая, и особыми довольно впрочемъ вонючими въ ночное время большими спальнями. При институтѣ состояла особая библіотека, большая, но безпорядочная. До какой степени безпорядочно и до какой степени широко мы пользовались свободою въ чтеніи книгъ изъ этой библіотеки, можно видѣть изъ того, что въ нашей (юридической) камерѣ собрано было чуть не все Полное Собраніе законовъ, и что на немъ и изъ него нѣкоторые студенты устраивали постели, такъ какъ спальни въ теченіе дня были заперты.

Печально закончился 1847 г. Кіевъ посѣтила страшная гостья—холера. Смертность была ужасная. Многіе изъ застигнутыхъ болѣзью въ нѣсколько часовъ кончали дни своей жизни. Каждый день приносилъ новыя тысячи жертвъ. Рассказывали, что по Васильковской улицѣ почти непрерывно тянулись погребальныя процессіи. Студенты и всѣ учащіеся въ учебныхъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ мартъ 1911.

заведеніяхъ были отпущены по домамъ. Мы однако казенно-коштные почти всѣ остались въ Кіевѣ и, можно сказать, несмотря на страхи, которые доносились до насъ въ видѣ слуховъ изъ города, мы не унывали. Удивительное дѣло молодость. Сидя въ своихъ камерахъ, мы проводили время довольно весело, въ шуткахъ и въ диспутахъ, словно не случилось ничего особеннаго. Выходили въ городъ мы очень рѣдко, а по ночамъ даже не рѣшались путешествовать; такъ какъ въ простомъ народѣ распространялись нелѣпные слухи, что студенты разносятъ изъ обсерваторіи холеру. Эти вздорные слухи, вышедшіе, по всей вѣроятности, изъ какого-либо кабака, до того распространились, что по тропинкѣ изъ обсерваторіи, шедшей по широкому валу, гдѣ нынѣ Подвальная улица, было не совсѣмъ безопасно проходить ночью, не рискуя подвергнуться нападенію какихъ-нибудь гулякъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ все утихло, и кіевская жизнь вошла въ обычную колею, а мы, прогулявши почти два мѣсяца, приступили къ полугодичному экзамену.

Такъ закончился 1847-й годъ. Мы лишились одного или двухъ товарищей, умершихъ, впрочемъ, не отъ холеры, а отъ чахотки. Но не успѣли успокоиться и отдохнуть послѣ случившейся катастрофы, какъ съ наступленіемъ теплаго времени опять появилась холера. Смертность въ Кіевѣ опять усилилась, вслѣдствіе чего мы съ братомъ Николаемъ, окончившимъ Лицей Нѣжинскій и искавшимъ службы въ Кіевѣ, поспѣшили убраться домой. Вакаціи я провелъ дома и все-таки не спрятался отъ холеры. По приѣздѣ домой мать просила меня заняться хозяйствомъ. Какъ теперь помню, я взялся ретиво за исполненіе принятыхъ на себя обязанностей. Но первый блинъ пришелся комомъ. Въ началѣ іюля, какъ помнится, въ воскресенье, я послалъ старика, бывшаго нашего крестьянина, котораго пригласилъ въ родѣ прикащика, въ ближайшее селеніе Коробовку, нанять рабочихъ на жнива. Селеніе Коробовка всего въ восьми верстахъ отъ нашего хутора, а потому я просилъ прикащика возвратиться того же дня вечеромъ, чтобъ знать, какъ распорядиться работами на слѣдующій день. Но прошелъ вечеръ, настало и утро слѣдующаго дня; посланный не являлся. Наконецъ часу въ десятомъ дали мнѣ знать, что, нанявъ рабочихъ, посланный мой заболѣлъ на возвратномъ пути холерой и что лежитъ въ трехъ верстахъ отъ нашего хутора въ лѣсу, возлѣ деревни Ольховъ. Я велѣлъ запретъ лошадей и поѣхалъ разыскивать больного. И дѣйствительно, нашелъ его въ послѣднемъ градусѣ холеры. Я съ кучеромъ уложилъ его на повозку и привезъ домой. Къ вечеру мой прикащикъ скончался. За нимъ послѣдовали: жена, сынъ его, дочь, невѣстка. Отъ всей семьи осталась одна дѣвочка лѣтъ шести, которую моя мать взяла

на свое попеченіе и послѣ выдала замужъ, на правахъ воспитанницы за вольнаго человѣка. Мы всѣ три брата не мало перетрусили холеры и дѣйствительно трудно было и храбриться въ виду страшной смертности въ нашемъ крестьянствѣ.

Послѣ вакацій я съ братомъ Михаиломъ, уже успѣвшимъ поступить въ университетъ, отправились въ Кіевъ и, еще подъѣзжая къ городу, узнали, что тамъ послѣ сильнаго проливнаго дождя, затопившаго весь Крещатику, сдѣлалось совершенно благополучно, и холера прекратилась. Я перешелъ на третій курсъ университета. Мое рвеніе къ слушанію постороннихъ лекцій прошло; да и своего дѣла было достаточно. Пришлось слушать новые курсы: уголовного и международнаго права, политическую экономію, сельское хозяйство, финансы. Благоустройство, каноническое право, по всѣмъ почти предметамъ необходимо было составлять записки; такъ какъ никакихъ учебниковъ кромѣ „Гражданскихъ законовъ“ Крайнихфельда, въ то время еще не существовало, а студенты еще не додумались до литографированія записокъ профессорскихъ. Я, не имѣя понятія о стенографіи, придумалъ разныя сокращенія словъ и, благодаря своей выдумкѣ, могъ записывать вчернѣ лекціи профессоровъ и затѣмъ на другой день утромъ, вставъ въ четыре часа, до 8-ми часовъ, когда всѣ спали, успѣвалъ изложить лекціи начисто. Другіе товарищи не считали нужнымъ такъ трудиться и предпочитали поспать до начала лекцій. Мало по малу, благодаря аккуратному составленію лекцій, я сдѣлался для многихъ необходимымъ человѣкомъ, раздавая для переписки свои записки, а для студентовъ барычей, нежелающихъ утруждать себя перепиской, меня начали приглашать въ качествѣ тьютора. Сверхъ всякаго ожиданія я за свои труды, впрочемъ очень тяжелые, началъ въ видѣ гонорара получать деньги, и признаюсь на свою бѣду. Я началъ курить дорогой табакъ, а что хуже всего: не зная до 23 лѣтъ никакихъ увлеченій, началъ принимать участіе въ веселыхъ студентскихъ пирушкахъ и во всѣхъ ихъ послѣдствіяхъ. Къ счастью я не могъ войти во вкусъ ни выпивки, ни знакомства съ женскимъ поламъ, разумѣется, худшаго сорта. Первые опыты кутежа возбудили во мнѣ отвращеніе къ хмѣльнымъ напиткамъ, а продажная любовь производила просто омерзѣніе. Я сталъ уклоняться отъ удовольствій, которыя тогда между студентами въ особенности первыхъ курсовъ были въ модѣ. Случай, давшій другое лучшее направленіе моей волѣ, была студенческая вечеринка на масляной 1849 г. у одного знакомаго малороссійскаго патріота. На этой вечеринкѣ, тянувшейся чуть не до утра, я такъ усердно попробовалъ „варенухи“, что послѣ этого долго страдалъ болью головы и совершеннымъ разстройствомъ пи-

щеваренія, а потому разъ навсегда далъ себѣ слово отказаться отъ напитковъ, губельно подѣйствовавшихъ на мое здоровье.

Въ это время въ жизни Кіевскаго университета начинается радикальный переворотъ. Нашъ попечитель Траскинъ переведенъ губернаторомъ въ Харьковъ, а на его мѣсто назначенъ кіевскій генераль-губернаторъ генераль Бибииковъ — гроза того времени. Онъ облеченъ званіемъ попечителя, оставаясь въ то же время генераль-губернаторомъ. Вскорѣ по вступленіи въ должность попечителя, Бибииковъ собралъ насъ въ парадной университетской залѣ и объявилъ, что переполненіе университета людьми „разныхъ словіевъ“ вредно, и что правительство рѣшило сократить число студентовъ. Съ этою цѣлю назначенъ былъ комплектъ для всѣхъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго, всего въ 300 человѣкъ. Повидимому, распоряженіе это было слѣдствіемъ тогдашняго броженія въ Европѣ. Боялись, чтобы русскіе студенты не послѣдовали примѣру заграничныхъ революціонеровъ, несмотря на то, что мы были далеки отъ всякаго свободомыслія и если о чемъ и толковали тихонько въ интимныхъ бесѣдахъ, то возмущались крѣпостнымъ правомъ и толковали объ освобожденіи крестьянъ, но чисто съ теоретической стороны. Тѣмъ не менѣе управленіе округомъ Бибиикова ознаменовалось драконовскою строгостью. Для того, чтобы привести университетъ, состоявшій тогда всего изъ 600 студентовъ, въ комплектъ, намъ объявили, что въ университетѣ могутъ оставаться тѣ только, которые въ точности и безпрекословно подчинятся правиламъ. Начались исключенія изъ университета за незастегнутую пуговицу и за всякое несоблюденіе формы. Десятки студентовъ, преимущественно фуксовъ (новичковъ), были удалены изъ университета. Процессъ увольненія былъ крайне простъ. Стоило только Бибиикову, гуляя на Крещатикѣ, встрѣтить студента не въ порядкѣ, и дѣло было кончено. Попечитель спрашивалъ какъ фамилія и велѣлъ идти къ инспектору получить свои документы. Встрѣчались и курьезы въ родѣ слѣдующаго: Бибииковъ, гуляя въ Царскомъ саду, замѣтилъ издали двухъ студентовъ, разстегнутыхъ, и началъ звать ихъ къ себѣ; но студенты предпочли обратиться въ бѣгство. Садъ былъ окруженъ городовыми. Несмотря на то, студенты, переодѣвшись въ костюмъ рабочихъ, жившихъ въ саду, благополучно выбрались изъ засады. Такъ и не розыскали преступниковъ.

Строгость на улицахъ отразилась и во внутренней жизни университета. Деканы обязаны были посѣщать лекціи, производить переключки студентовъ и наблюдать, не замѣчается ли вольнаго духа въ лекціяхъ ихъ товарищей. Признаюсь, насъ коробило по-

явленіе непрошенныхъ гостей на лекціяхъ, и мы никакъ не могли понять, какъ могъ контролировать одинъ профессоръ другихъ профессоровъ—своихъ товарищей. Въ то же время изгнано изъ университета преподаваніе философіи, по всей вѣроятности, въ видахъ предупрежденія свободомыслія. Для усиленія надзора за студентами число субъ-инспекторовъ увеличено съ шести до 12-ти. Субъ-инспекторы являлись и въ театрѣ, и по квартирамъ, и на улицахъ. И всѣ главнымъ образомъ добивались одного и того же, чего добивался главный начальникъ—соблюденія формы. — Замѣчательно, что при всей этой строгости мало обращалось вниманія на нравственность студентовъ. Самъ генераль-губернаторъ въ циничной бесѣдѣ со студентами намекалъ на терпимость въ этомъ отношеніи. Это не могло не отражаться на направленія молодости. Въ особенности отличались фуксы, которые не рѣдко были не прочь порисоваться своими похождениями.

Трудно было объяснить, почему понадобились всѣ строгости, когда въ университетѣ во все время моего пребыванія не было ни одной крупной исторіи не только съ политическимъ оттѣнкомъ, но даже обыкновеннаго буршескаго характера. Злобой дня и то только для насъ, казенно-коштныхъ, былъ вопросъ о питаніи, которое все болѣе и болѣе ухудшалось, можетъ быть, благодаря строгостямъ. Болѣе смѣлые студенты жаловались, но жаловались не на всю систему хозяйства, а на какой-либо дурной обѣдъ. Въ такомъ случаѣ являлся помощникъ попечителя Юзефовичъ и умиротворялъ молодежь какимъ-нибудь ужиномъ, который приказывалъ изготовить въ замѣнъ дурного обѣда. Разъ, однако, явился самъ грозный Бибииковъ и такъ разнесъ нашихъ кормителей, что у нихъ на долго пропала охота наживаться на счетъ нашихъ желудковъ. Другое явленіе послѣднихъ годовъ моего пребыванія въ университетѣ — это развитіе антагонизма между аристократами - студентами и нами—плебеями. Для примѣра приведу одинъ случай. Въ 1849 г. въ Кіевѣ большое вниманіе кіевского бомонда обратила на себя танцовщица, нѣкая Богданова. Наши товарищи-аристократы, отличавшіеся шитыми чистымъ золотомъ петлицами на мундирахъ, позолоченными шпагами и пуговицами и узкими донышками на шапкахъ, вздумали сдѣлать своей дивѣ большую овацію. Купили до 50-ти билетовъ въ театръ и поручили своимъ прихлебателямъ роздать эти билеты казенно-коштнымъ студентамъ; въ надеждѣ, что мы поддержимъ задуманную ими овацію. Это вызвало общее наше неудовольствіе. Мы отказались отъ предлагаемыхъ даровыхъ билетовъ, и аристократы со стыдомъ должны были отказаться отъ своего плана; такъ какъ мы категорически заявили, что устроимъ

контръ-овацію, если хотѣвшіе подкупить насъ барычи не оставятъ своего намѣренія. Были и личныя столкновенія студентовъ другъ съ другомъ между казенно-коштными студентами, столкновенія, доходившія до дракъ; но начальство въ такихъ случаяхъ поступало энергически. Оно виновныхъ отправляло на должности приходскихъ учителей. Такія наказанія, впрочемъ, были только временной опалой. Виновные по истеченіи нѣкотораго времени опять возвращались въ университетъ и благополучно оканчивали курсъ. Временная опала ничуть не вредила ихъ карьерѣ.

Вообще, при всей строгости Бибикова, нельзя не замѣтить, что въ немъ нрѣдко проявлялись и симпатичныя черты. Такъ, при столкновеніи студентовъ съ полиціею онъ нрѣдко становился на сторонѣ студентовъ и защищалъ ихъ противъ произвола. Его боялись полицейскіе, какъ огня, и потому званіе студента пользовалось нѣкоторымъ почетомъ. Были также случаи, что Бибиковъ, узнавши о несчастіи какого-либо студента, принималъ въ немъ живое участіе. Въ такихъ случаяхъ вниманіе грознаго начальника мирило насъ съ нимъ, и имя его сдѣлалось легендарнымъ между студентами.

Нельзя, однако, оправдать дѣйствій Бибикова, или его подчиненныхъ, при приведеніи въ исполненіе распоряженія о комплектѣ студентовъ. Приступили къ исполненію этого распоряженія въ 1848—49 учебномъ году. Еще до каникулъ объявлено было по гимназіямъ, что пріема въ университетъ не будетъ, такъ какъ въ университетѣ, кромѣ медиковъ и казенно-коштныхъ студентовъ, состояло болѣе 300 человекъ. И дѣйствительно пріема не было; но только для тѣхъ, которые не имѣли протекціи. По протекціи же принято до 20 студентовъ, и при томъ всѣ только на казенное содержаніе. Такое, собственно говоря, незаконное распоряженіе было вдвойнѣ неправильно. Новые студенты приняты на казенное содержаніе безъ экзамена, а съ другой—приняты по большей части люди состоятельные, вовсе ненуждавшіеся въ казенномъ содержаніи. Подобное распоряженіе о комплектѣ могло только оказаться выгоднымъ для нашихъ кормителей, которые и безъ того не обижали себя, а въ данномъ случаѣ они еще болѣе попользовались на счетъ порцій богачей, которые не интересовались нашимъ мизернымъ столомъ и предпочитали кушать дома.

На четвертомъ курсѣ я, въ виду скорого выхода изъ университета, началъ мало интересоваться университетскими дѣлами и все вниманіе обратилъ на приготовленіе къ окончательному экзамену. Не мало у меня времени заняло и составленіе послѣдняго полугодичнаго сочиненія, которое я разработалъ въ формѣ обширной

диссертациі на тему: „О войнѣ и мирѣ по Гуго Гроцію“. Въ усиленныхъ занятіяхъ я не замѣтилъ, какъ прошелъ годъ. Начались окончательные экзамены. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1850 г. я окончилъ эти экзамены благополучно. Меня удостоили ученой степени кандидата юридическихъ наукъ. Мое сочиненіе „О войнѣ и мирѣ“ признано за кандидатскую диссертацию, и 9 іюня я утвержденъ Совѣтомъ университета въ степени кандидата.

А. Ѡ. Андріяшевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

